

10

НОВОБЫИ
МИР

1978

НОВОБЫИ МИР

10

1978

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 10

Октябрь, 1978 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ — ЗИЛ	
КРЫЛО К КРЫЛУ — стихи	3
ЗОЯ ВОГУСЛАВСКАЯ — Защита, повесть	15
ИЗ СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ: Ваагн Давтян. Песнь о крови; Песнь о подснежнике; Песнь о первом снеге.— Сильва Капутикян. Мой неведомый бог, может, вправду ты есть...; На полустанке; На окраине большого города. — Рачия Ованесян. Дней молчания и маеты...; Звезды Ригель прозрачный свет...— Арамаис Саакян. Клянусь хлебом; Добрые люди.— Амо Сагиян. Преклоняюсь, прости...; И сама в себе.— Геворг Эмин. Что страшиться смерти... Перевели В. Равич, Елена Николаевская, А. Каныкин, Александр Големба	115
ВИКТОР АСТАФЬЕВ — Четыре коротких рассказа	124
ВИНСЕНТ ЭРИ — Крокодил, роман. Перевел с английского Ростислав Рыбкин	136
ПУБЛИЦИСТИКА	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СУТЬ СПОРА, СУТЬ ПРОБЛЕМЫ	185
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
ЭРНСТ ГЕНРИ — Первые шаги	217
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
МИХАИЛ ЛУКОНИН — Быть с веком наравне. Размышления о современной поэзии	229
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
МОЛОДЫЕ СИЛЫ ЛИТЕРАТУРЫ	248
Л. КОРОВКОВ — Обратные связи	251
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
	263
Лев Озеров. Поиск и риск.— М. Слуцкис. Человек в потоке меняющегося времени.— Евг. Винокуров. В краю лесов и озер.— Янка Брыль. «Он—строгий к правде!».	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
	276
<i>Политика и наука</i>	
Ю. Пороиков. «Мы будем, как Млечный Путь...»— В. Косолапов. Мемуары полководца	
КОРОТКО О КНИГАХ: Нина Бавина.— Владимир Кочетов. Провинциал. Повести и рассказы. ♦ Руслана Ляшева.— Юри Туулик. Заморское дело. Рассказы и повести. ♦ Леонид Каратеев.— Н. Флеров. Море и жизнь. Повесть. ♦ Андрей Максимов.— Л. О. Кармен. Рассказы. ♦ Р. Бухараев.— Ленинские горы. Стихи поэтов МГУ. ♦ Ирина Винокурова.— Леонид Латынин. Патриаршие пруды. Стихи. ♦ Майя Исакова.— Александр Афиногенов. Избранное в 2-х тт. ♦ Элеонора Соловей.— Н. Р. Мазепа. В поэтическом поиске. Об эпическом и лирическом начале в современной русской поэзии. ♦ Светлана Овчинникова.— С. Юрский. Кто держит паузу	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	288

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

ЭРНСТ ГЕНРИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1

Рассказывать о своей жизни у каждого из старшего поколения в наше время есть что, и в воспоминаниях нетрудно утонуть. Я ограничусь здесь только несколькими годами, особенно глубоко врезавшимися в память,— первыми в моей политической и профессиональной жизни.

Я начал ее в революционном молодежном движении за рубежом. Хотя с тех пор прошло более полувека и за этот срок в мире произошли гигантские события, я все еще не могу забыть о том времени и о тех, с кем шел рядом.

Это были удивительные юноши и девушки, и пережить им пришлось много: история их не щадила. Большинство их погибло в бурях, пронесшихся над Европой во второй трети века. Время испытывало мое поколение так часто и так круто, что, оглядываясь назад, вся жизнь моих современников кажется мне какой-то вулканической, жестокой и вместе с тем захватывающей своей романтикой эпопеей.

...1920 год. Мне 16 лет. Берлин, где я нахожусь (сначала с отцом, интернированным в Германии в качестве гражданского военнопленного, потом по командировке ЦК российско-го комсомола), в то время политически самый интересный город в Западной Европе. Разбитая в первой мировой войне Германия все еще не может вновь стать на ноги. Стоит вопрос о власти. Рабочие столицы волнуются. Господствующая в стране контрреволюционная военщина, заключившая союз с правыми социал-демократами, сумела организовать убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, обезглавив тем самым только что основанную коммунистическую партию, но удушить революционное движение оказалась не в силах. У партии еще не так много сторонников, но почти каждый из них боевой человек. Такими людьми, а не только числом, и сильны революционные организации. Я понял это и потом. Рядом со взрослыми коммунистами действуют их сыновья и дочери — комсомольцы.

Еще в ноябре 1919 года на тайном съезде в Берлине, на котором присутствуют делегаты из 13 стран, представляющие 219 тысяч комсомольцев, основывается КИМ — Коммунистический интернационал молодежи. Участвует делегат РКСМ, нелегально пробравшийся в Берлин. Несколько месяцев спустя по указанию Исполкома КИМа я, знающий языки, становлюсь одним из международных курьеров организации. С этого дня и начинается моя настоящая жизнь, мой «университет». Другого у меня не было.

Первый враг, с которым сразу же пришлось столкнуться комсомольцам, была полиция.

Это был все тот же противник, с которым любое передовое движение имело дело на протяжении всей новейшей истории; непримиримый, упорный, умелый враг. Помню, как в борьбе с полицией мы учились революционной конспирации. Осваивали мы эту науку с великой страстью. Ничего не было интереснее.

Мы учились, как запоминать явки, менять ночевки, менять свой внешний вид, по возможности даже походку, как быть математически точными при встречах. Опаздывать более чем на одну-две минуты уже считалось серьезным проступком; я и сейчас не могу привыкнуть к чьим-либо опозданиям.

Каждый из нас должен был знать, как держаться на допросах, как уметь молчать (что не так просто, как кажется). Даже — как с видом простого, веселого парнишки сидеть

в пивной и, болтая о последней спортивной сенсации или нашумевшем фильме с красавицей Мией Май, незаметно сказать кому-то о нужном. Были десятки других «предметов».

Это была старая, традиционная практика революционной конспирации, передававшаяся из поколения в поколение. Впоследствии, при фашизме, пришлось основательно ее обновить: у гестапо была своя техника. До этого же многое было почерпнуто нами из систематизированного опыта старых большевиков.

Так первые комсомольцы на Западе знакомились с жизнью в подполье. Освоенное не забывалось. Особенно меня поражали своей деловитостью и бесстрашием девушки. До сих пор помню одну из них, по фамилии Кетцлер, которая накануне моей первой нелегальной поездки за рубеж вшила мне в подкладку брюк написанный на маленьком кусочке шелка мандат от Исполкома КИМа. Когда я потом прочел о жизни Софи Перовской, я понял, что такие девушки рождаются в каждом поколении и что мир лучше благодаря им.

Менять квартиру приходилось в месяц не раз, иногда через каждые несколько дней. Я жил то у рабочих в берлинском квартале Нейкельн на Германштрассе, то у товарищей где-то около улицы Штралауэрштрассе, то у буржуазных родственников в западном районе города Шарлоттенбург. Одно время проживал на самой фешенебельной берлинской улице Курфюрстендамм. Одеваться приходилось соответственно жилью — то попроще, то получше.

Мой паспорт делал меня на четыре года старше, чем было на самом деле. Это для того, чтобы в случае ареста и осуждения не попасть в тюрьму для несовершеннолетних, где их «воспитывали». В общем, я старался походить на «среднего» берлинского мальчика. По-немецки говорил совершенно свободно, хотя специфическим берлинским диалектом не владел. И все-таки впоследствии нескольких арестов не избежал.

Какая трудная, рискованная и все же радостная была эта жизнь! Самых юных из нас — меня в том числе — она особенно увлекала. Но в то же время это была важная школа для будущей, более сложной жизни. Один месяц в ней стоил нескольких лет книжной учебы.

Революционная романтика диктовалась самими условиями работы. Берлинская политическая полиция, во главе которой стояли правый социал-демократ Вейс и старый кайзеровский чиновник «коммунистенфрессер» (пожиратель коммунистов) Хеннинг (я все еще помню его по допросам, ему нравилось «экзаменовать» меня по теории марксизма), охотилась за активными комсомольцами не менее ретиво, чем за взрослыми коммунистами. Ей было известно, что именно комсомольцы, нередко мальчишки типа парижского Гавроша из романа Гюго сплошь и рядом выполняли для партии довольно важные поручения, требовавшие быстроты, изворотливости и некоторой доли сметливой хитрости. Угнаться за такими было непросто. Бывало так, что простой мальчик, на вид смешной шалунишка, оказывался ловчее посевшего в своем деле шпика.

Но временами доходило и до откровенных споров с полицейскими чиновниками. Вспоминается, как в тюрьме Плетцензее такой спор вел со мной высокомерный тюремный врач в присутствии целой группы студентов, вызванных явно для одной цели: проследить, как он посрамит коммунистического мальчишку, и поучиться на этом. Я внимательно прослушал его «физиологическое» разоблачение марксизма и затем сказал: «Вы слово в слово повторяете нелепые высказывания псевдоученого Ломброзо, но не называете его. Не хотите ли измерить бугры на моем черепе?» Студенты захохотали, а врач-тюремщик ошалел. «Прием» был тут же окончен. Я вышел, но за дверью все еще слышался хохот. После этого от меня в тюрьме Плетцензее перестали требовать, чтобы я клеил конверты, чего я все равно и раньше не делал.

Очень многие из моих сверстников, только что окончивших школу или даже еще учившихся, были без колебания готовы отдать за коммунизм жизнь, сесть на годы в тюрьму, уйти от семьи. Книжки Ленина перечитывались одна за другой. Мировая революция казалась нам делом завтрашнего дня, и всем было невтерпех. Нам было все равно, что случится с нами самими, лишь бы началось!

Это было самое главное, важнее личной жизни, профессии, родных. Я знаю, что ребята с таким характером есть и сегодня и что они будут всегда.

В ходе моей кратковременной работы для КИМа мне довелось встречаться с комсомольцами разных национальностей. Почти у всех у них было что-то удивительно общее. Виднелось ли это в их глазах? Вероятно, это мне теперь так кажется. Разные лица, разный

язык, разные привычки и повадки. Но все та же горячая преданность и вера в дело, та же твердая решимость постоять за него, что бы ни произошло.

Мало того. КИМ был неповторимой школой для юношей и девушек, стремившихся стать профессиональными революционерами, но также и для тех, кто хотел разобраться в международных делах.

Живя в чужой стране, можно было как следует изучить ее политику, ее буржуазию, ее народ. Я никогда не забуду того, чему научился в те годы, как никогда не забуду тех, кто учился со мной. Кажется, ни одного из них нет в живых.

Память как дымом затянута тем, что последовало. Дым временами был густой и сернистый, не все шло как хотелось, сам я уже не тот что был. И все-таки те годы не отдам никому.

Для большинства людей, вышедших из этой школы, вне борьбы за коммунизм уже не было жизни. Многие из них впоследствии становились ведущими деятелями коммунистических партий, верными Ленину трибунами рабочего движения, учеными, военными работниками, писателями, публицистами. Они выдерживали экзамен на силу и талант. Я думаю, когда-нибудь об этой старой гвардии КИМа будет написана хорошая и, главное, правдивая книга.

Особенно тесные отношения установились тогда между советскими и германскими комсомольцами. Товарищи приезжали друг к другу, участвовали в общей работе и — что было наиболее важно — учились друг у друга. Некоторые подолгу жили у зарубежных друзей, присматриваясь к движению, накапливая опыт. Одним из них был, например, видный советский комсомолец Рафаэль Хитаров, член Закавказского крайкома РКСМ, который с ноября 1921 года на протяжении почти пяти лет работал на видных постах в германском комсомоле. Действовало не только стихийное единство юного революционного духа — комсомольцев разных стран обычно скрепляла и какая-то быстро возникавшая человеческая близость.

Старшие товарищи охотно делились с молодыми своими знаниями и опытом и никогда не смотрели на них сверху вниз. Они понимали, как важна для партии помощь молодежи. Как уже сказано, юнцам-«гаврошам» нередко удавалось то, что было не так просто для людей постарше. Немецкие товарищи, в частности, не забывали, что Карл Либкнехт был в свое время президентом Социалистического интернационала молодежи (в те годы он сказал: «Кому принадлежит молодежь, тому принадлежит будущее») и что Роза Люксембург вступила в движение в возрасте шестнадцати лет.

Комсомольцы на Западе знали и то, какую важную роль в зарождении революционного и марксистского движения в России в свое время сыграли студенты. Передавали слова Ленина, назвавшего в 1905 году радикальное студенчество «авангардом всех демократических сил»¹. Правда, студентов в рядах германского комсомола в те годы было сравнительно мало, подавляющее большинство составляли дети рабочих. Вспоминаю трех членов ЦК германской компартии, которые в то время своими советами помогали, в частности, мне: Эдвина Хернле, Эрнста Мейера и Якоба Вальхера (его я вновь встретил незадолго перед его смертью в Берлине в 70-х годах).

Жить было трудно, но скучать действительно некогда. Казалось, что не успеваю дышать. Каждое «завтра» предвещало что-то новое. Можно ли жить лучше?

2

Аресты и судебные приговоры нас не отпугивали. Хотелось себя проявить и ошутить революционное дело с самой тернистой стороны. Выдержишь ли? Временами закрадывался страх, что не сумею.

Но до внедрения в технику полицейского розыска современных электронных и химических методов было еще далеко, жандармская работа проводилась, как правило, старым, «ручным» способом. Угрозы и издевательства были, конечно, в ходу, действовал карцер, но пытки — по крайней мере, в либерально-буржуазных странах Европы — применялись тогда сравнительно редко.

Разницу между условиями в этих странах и в странах так называемого санитарного

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 351.

кордона вдоль границ Советской республики я испытал на себе тогда же, в 1920 году, при первой нелегальной поездке за рубеж. В панской Польше, белой Литве, хортистской Венгрии, Балканских государствах комсомольцев вешали или расстреливали. Так, например, погиб мой литовский приятель Грэфенбергиус, с которым я проезжал на подводах из Каунаса в Вильнюс. С обычной буржуазной полицией революционная молодежь справлялась без особого труда. Но уже скоро в Германию и некоторые другие страны Европы пришел фашизм, и все тогда и здесь стало по-другому.

Поздней весной 1920 года я в качестве курьера КИМА отправился из Берлина в Москву. Теперь это занимает два летных часа. Тогда это было довольно сложное путешествие. Советская республика была отрезана от Западной Европы плотной стеной антисоветских государств, и ехать приходилось в сугубо конспиративных условиях.

Ни прямых железнодорожных сообщений, ни авиалиний между Берлином и Москвой не было. Морской путь из Штеттина в Петроград, также еще подпольный (одним из его организаторов был немецкий коммунист Ротцигель), был налажен позднее. Ехать надо было то по железной дороге, то на лошадях спрятанным в повозке. Особенно рискованно было пробиваться по территории, оккупированной войсками польского диктатора Пилсудского. Здесь повсюду действовали посты и агентуры «дефенсивы», белопольской охраны, специализировавшейся на охоте за коммунистами. Советская республика находилась тогда с панской Польшей в состоянии войны.

Я благополучно пробрался через границу между Германией и буржуазной Литвой, потом на подводах через «незримую» литовско-польскую границу. Несколько дней пробыл в Вильнюсе, куда у меня тоже была явка, и оттуда — опять на лошадях — двинулся дальше на восток. Схватили меня в оккупированном белополяками белорусском городе Слуцке, оттуда перевезли в Бобруйск, находившийся тогда на самой линии советско-белопольского фронта. Я помню имя и фамилию крестьянина, сидевшего со мной в камере в Слуцке, его звали Василий Бахта. Кажется, он партизанил. Мы с ним очень сдружились, хотя он был, по крайней мере, втрое старше меня. По ночам он покрывал меня своим тулупом.

Вернувшись в конце года в Германию — тоже нелегально, но уже другим путем, через Балтийское море, спрятавшись в трюме зашедшего в Петроград немецкого корабля, — я рассказал своим берлинским друзьям, как меня схватили и как мне удалось спастись. Они попросили меня написать об этом — разумеется, в пределах допустимого. Я написал как мог, и эта статья — первая мною написанная — была напечатана в органе германского комсомола «Юнге гарде» («Молодая гвардия») под моей тогдашней кличкой Леонид. Передовая статья в том же номере, подписанная буквой «Л», также принадлежала моему перу.

Сегодня, конечно, я нашел бы для этого рассказа другие слова. Все было намного любопытнее и сложнее, чем можно было прочесть. Но, думаю, здесь все же лучше оставить так, как было написано шестнадцатилетним мальчишкой.

Хочу подчеркнуть, что в том, что со мной произошло, не было по тем временам ничего необычного. Я был лишь одним из многих комсомольцев, советских или зарубежных, которые так вступали в политическую жизнь. Повсюду, где коммунисты и комсомольцы работали тогда нелегально, арест и бегство из-под ареста были в порядке вещей. То, о чем могли рассказать советские комсомольцы, работавшие в годы гражданской войны в тылу белогвардейцев, было намного необычнее и страшнее.

Я был одним из тех, кому повезло: выбрался из беды целым, хотя в том, что попал в нее, был, несомненно, больше всего виноват сам. Несмотря на предостережения старших товарищей, я носил слишком длинные волосы и тем, вероятно, навлек на себя подозрения жандармов, считавших это тогда приметой революционера. Об этом я в своей статье не написал. В Берлин я вернулся уже коротко остриженным и с тех пор никогда длинных волос не носил.

В памяти встают дом где-то в восточной части Берлина, где ютилась тогда редакция «Юнге гарде», лица первых комсомольских журналистов в Германии, фигуры шпиков, шнырявших вокруг.

Ниже следует моя статья в том виде, в котором она тогда была напечатана. Я ничего в ней не изменил. Сорок восемь лет спустя, 22 ноября 1969 года, она была перепечатана в московском журнале «Вокруг света», и я привожу ее по сделанному в редакции переводу.

«— Вот он, собака!

Голос был так резок и груб, что я чуть не оглох.

— Ну что, птенчик, попался?! Пошли!

Затем последовал удар прикладом. Два здоровенных польских жандарма схватили меня за руки и поволокли. Их штыки сверкали на солнце, и от этого я чувствовал себя еще хуже. Все это было так неожиданно. Я был арестован прямо на улице. Самое главное, я понимал, что влип действительно крепко. Я не знал, что мне делать.

Жандармы привели меня к серому зданию, втолкнули в него и потащили вверх по лестнице в кабинет. Посреди комнаты стоял стол, за которым сидели пять жандармских офицеров и весело беседовали между собой. На подоконнике я увидел большой портфель и бутылку с вином.

Начался допрос, сопровождаемый побоями. Из него я понял, что меня обвиняют в страшном преступлении — принадлежности к коммунистической партии. Я знал, что быть коммунистом в белой Польше — это значит находиться вне закона. Я отрицал все обвинения. Тогда жандармы увели меня в соседнюю комнату и снова стали выколачивать из меня признание. Я отвечал, что ничего не знаю, ничего не сделал и являюсь жертвой досадной ошибки. Побои белополякам не помогли. Я подписал протокол, и жандармы проводили меня по лестнице вниз. Только не на свободу, а в городскую тюрьму.

Четырехугольное серое помещение, в нем вместо окна маленькая дыра, вместо постели доски. Это была моя новая квартира. Настроение у меня было скверное, и будущее казалось довольно неуютным. Белополяки — худшие из реакционеров и обычно выносят коммунисту только один приговор — расстрел. Единственным спасением могло быть бегство, и я крепко с тем призадумался.

Меня арестовали в маленьком белорусском городке с населением не более двадцати тысяч человек. Здесь же размещались сотни польских жандармов, терроризировавших всю округу. В этом районе недавно вспыхнуло крестьянское восстание. Белополяки подавили его и залили район кровью. Они зверствовали, и теперь тюрьма была забита повстанцами. Первые две недели я сидел в одиночке, затем в мою камеру бросили еще двух арестованных белорусов. Они знали, какая судьба их ждет, и сидели молча, полные ненависти и гнева. Каждое утро приходили белополяки и уводили их на допрос. Их били железными прутьями по пяткам и спине, потом перевязывали, чтобы на следующее утро подвергнуть новым пыткам.

Я сидел здесь три недели, затем меня перевели в соседний город, побольше, где находился окружной суд. Польско-советская линия фронта проходила от него в нескольких километрах. Меня везли в телеге крепко связанным. Попытка к бегству была исключена. В новой тюрьме меня посадили вместе с осужденными спекулянтами.

За несколько дней до военно-полевого суда мне удалось через одного выпущенного на свободу товарища связаться с подпольной партийной организацией в городе. Товарищи подкупили часовых, и мне удалось бежать. С помощью крестьянина-большевика я пешком пошел из города в деревню, находившуюся от него в семи километрах, но совсем рядом с линией фронта. Фронт проходил по реке, за ней была советская земля. Крестьянин спрятал меня в стоге сена, дал хлеба и сказал, что придет, когда можно будет перейти фронт.

Это было тяжелое испытание. Почти три дня я пролежал в стогу. Где-то не так далеко от меня находилась польская батарея, и польские связные скакали все время мимо моего убежища. Я вздрагивал каждый раз, когда раздавались залпы орудий или вблизи слышалось ржание лошадей. Было сыро, и кожа на лице скоро воспалилась.

Приближалось третье утро, когда где-то позади раздался свист. Это был сигнал! Я вылез из стога и пополз в сторону реки. Добравшись до кустов на берегу, я увидел моего крестьянина и еще несколько почти неразличимых фигур. Они тихо переговаривались между собой, у каждого за плечами был груз. Я спросил, что они несут, и по их сердитым лицам понял, что мой вопрос был неуместным. Крестьянин шепнул мне, что это контрабандисты, переправляющие сахарин, что мне надо помалкивать.

Было еще очень темно, впереди не видно ни зги. Две тени исчезли в темноте. Через некоторое время послышался всплеск. Я с трудом различил лодку, подошедшую к берегу. Лодка отвезла нас на противоположный берег. Еще по дороге крестьянин сказал мне, что почти каждую неделю контрабандисты переходят линию фронта. Каждый раз ради денег они рисковали жизнью.

Через пять минут мы были на другом берегу. Мне захотелось крикнуть на весь мир: — Да здравствует борьба! Да здравствует революция!»

Такова была первая написанная мною статья. Пусть она дышит юношеской наивностью. Я «визирую» ее и сейчас.

Хочу добавить еще несколько подробностей о той поездке, о которых ничего не говорилось в статье.

Когда на пути я на несколько дней остановился в Каунасе, там в тюрьме в это время сидел Фридрих Платтен — известный швейцарский коммунист, член президиума Первого конгресса Коминтерна, человек, который в апреле 1917 года помог Ленину выбраться из Швейцарии в Россию, а в январе 1918 года, при первом покушении на Ленина в Петрограде, прикрыл его своим телом от пуль. Весной 1920 года самолет, на котором он летел из Москвы в Швейцарию, был вынужден совершить посадку возле Каунаса, и Фридриха засадили в тюрьму. Летевшая вместе с ним его жена Е. З. Розовская была оставлена на воле и проживала в гостинице, но под наблюдением. Установить с ней связь товарищам из местной подпольной организации партии было не просто. Я, никому не известный мальчик, который через несколько дней должен был вообще исчезнуть из города, оказался именно тем, кто был нужен.

Секретарь подпольного комитета (впоследствии он утонул в Немане) попросил меня забежать в гостиницу и как-нибудь передать ей письмо. Я был восхищен и легко справился с поручением. Возвращаясь к себе, я всячески старался замести следы. Видимо, мне опять помогло то, что я выглядел не юношей, а из тех мальчишек, кто бегает по дворам. Весь этот эпизод был мною забыт, и только несколько лет назад при встрече с писателем А. Дунаевским, автором биографии Платтена, я вспомнил о нем. Вспомнила и Розовская, уже старушка, когда Дунаевский стал ее расспрашивать. Письмо от каунасских подпольщиков, сообщила она, передал ей «какой-то подросток, свободно говоривший по-немецки». Оказалось, что выполнять такие маленькие поручения в тогдашнем Каунасе было не труднее, чем в Берлине. Но в Каунасе подпольщиков расстреливали.

Другой маленький эпизод вспоминается мне почему-то гораздо яснее. Это было несколько недель спустя в занятом белополяками городе Бобруйске, в ночь, когда местные подпольщики помогли мне выбраться из тюрьмы, помещавшейся в каком-то бывшем кинематографе. Ждавший меня на улочке молодой парень сразу взял меня под руку и привел в какую-то лачугу. Оказалось, что это нечто вроде парикмахерской, а сам он — ее «владелец». Со страданием в голосе он тут же пожаловался мне, что его не принимают в партию, хотя и исполняют для нелегальных поручений. Почему? Потому что он — «собственник предприятия». Оглянувшись, я увидел, что в лачуге висит зеркало, а под ним полка с бритвой, гребенкой и несколькими кусками мыла, тут же находилось полотенце. Это и было все «предприятие». Помогая мне уйти из горьмы, этот паренек рисковал жизнью. Таких было много.

Как я узнал, уже будучи в Москве, члена подпольного комитета, к которому я еще до ареста в Слуцке имел явку (еще помню пароль — «Магистрат»), молодую рыжеволосую женщину с горящими глазами, белополяки вскоре же раскрыли и вместе с другими товарищами убили. Произошло это чуть ли не накануне вступления в город Красной Армии, но подробностей я не узнал.

...Март 1921 года. Снова Берлин, куда я вернулся из Москвы. В городе неспокойно. Дела германской буржуазии идут плохо. Ее политики все еще не могут свести концы с концами, сговориться с французами, справиться с революционным рабочим движением. Уже начинается инфляция. Через два с лишним года один доллар будет стоить на берлинской бирже вместо 4,2 марки, как до войны, три-четыре миллиона марок и вся германская экономика, как стали тогда говорить, «сойдет с ума». Но и теперь цены уже скачут из месяца в месяц, взрывая бюджет рабочих семей. Капиталисты спекулируют на инфляции, рурский магнат Гуго Стиннес становится финансовым императором Германии. Правые социал-демократические министры продолжают покорно выполнять указания военщины и капитала. Контрреволюция вооружена с головы до ног, рейхсвер командует государством, фашисты переходят к индивидуальному террору. В Мюнхене на собраниях черносотенцев выступает с истерическими речами какой-то проходимец по имени Гитлер, требуя похода на «красный Берлин». Рабочие столицы Веймар, Гамбург, Берлин...

Встревоженные нарастанием сил контрреволюции, немецкие коммунисты намереваются перейти к активным революционным действиям, не дожидаясь окончательной экономической катастрофы в стране и решающего обострения политической обстановки. Хотя большинство рабочих еще не готово к схватке с реакцией, некоторые руководители выдвигают левосектантскую «теорию наступления», согласно которой революционный авангард должен браться в бой в любой обстановке, во что бы то ни стало. Многим из нас, молодым, эта теория нравится: не терпится строить баррикады. В марте сотни комсомольцев уже вступают в отряды Макса Гельца, сражающиеся с войсками в Средней Германии. Юноши и девушки в районе Мансфельда поддерживают восставших рабочих заводов Лейна либо с оружием в руках, либо выполняя функции курьеров, медсестер и т. д. Берлинские комсомольцы также рвутся в бой.

Завтра партия и комсомол заплатят за преждевременное «наступление» поражением, которое отбросит движение на годы назад. Сотням наших молодых товарищей, избежавших ареста и суда, придется укрываться в подполье и скитаться по стране. Революционному рабочему движению в Германии, потерявшему своих лучших руководителей — Либкнехта и Люксембург — через два месяца после свержения кайзера, предстоит пройти длинный путь подготовки и тяжелых испытаний, прежде чем выковать опытное, боеспособное ядро. Но в эти мартовские дни комсомольцы столицы с нетерпением ждут сигнала к активным действиям. Об этом должна идти речь на экстренном совещании берлинского комитета комсомола, на который (на правах «гостя») приглашен и я. Намечается генеральная забастовка, некоторые уже ждут, чтобы и в Берлине для отпора реакции вышли на улицу революционные батальоны, созданные по образцу отрядов Макса Гельца.

Выхожу на улицу. Блестит весеннее берлинское солнце. Слежки у дома как будто нет. Я все же знаю, что если делом занимаются шпики из «I-A» — политического отдела берлинского полицейспрезидиума, — то обнаружить их не так просто. Филеры д-ра Вейса знают свое ремесло.

Не оглядываясь назад, не смотря по сторонам, шагаю по улице. На голове обычная для берлинских мальчишек попроще синяя спортивная шапочка с козырьком. Подхожу к улочке где-то в районе Яновитцбрюке. Почти на каждом углу — маленькие пивные. Вхожу в одну из них с вывеской «Патценхофер». Киваю стоящему у стойки дежурному (хозяин пивной — наш) и прохожу в заднюю комнатку. Идет заседание берлинского комитета с участием представителей «Югендцентрале» (ЦК комсомола).

За двумя столиками человек десять. Перед каждым, как полагается, кружка пива. Если кому-нибудь удастся проскочить в комнатку мимо дежурного стража у двери, он едва ли заметит что-нибудь подозрительное. Сидят парнишки, пьют и беседуют о том же, о чем говорят многие из их сверстников в эти дни: о недавней гонке мотоциклистов, о мировом чемпионе бокса Демпси, о сенсационной кинокартине «Властительница мира». На столе не разложено никаких бумажек.

Сажусь и слушаю. Рядом со мной — член ЦК германского комсомола Гюнтер Хопфе. Он почти совершенно слепой, и мне непонятно, как может он играть такую активную роль в движении, участвовать в редактировании «Юнге гарде», произносить речи на митингах. Выступая, он обычно подчеркивает теоретическую сторону вопроса. Тут же широкоплечий, кровь с молоком Фриц Хейльман и вюртембергский товарищ Ойген Шенхаар. Он говорит на таком сочном швабском наречии, что я его почти не понимаю. Двенадцать лет спустя мне рассказывают, что он попал в руки гестапо и что эсэсовцы в их застенке в Колумбия-Хауз сажали его на раскаленную печь. Теперь он с горячностью говорит на своем диалекте, требуя, чтобы берлинская рабочая молодежь без промедления приступила к действиям.

Загорается спор, как лучше мобилизовать молодежь на берлинских заводах. Я слушаю, гляжу на сидящих рядом со мной немецких товарищей и чувствую, что, хотя я знаю их так недолго, это близкие люди. Они, как и «старички», не похожи на москвичей ни лицом, ни одеждой, ни повадками, ни даже тем, как они выступают и спорят. У многих из них, например, непривычная для меня в то время склонность к теоретическим обобщениям даже тогда, когда разговор касается чисто практических, конкретных мер завтрашнего дня. У них другой стиль работы, иной ход дискуссии, иные навыки и традиции. То же я уже наблюдаю и на собраниях германской компартии. Но при всем том это свои. Я знаю, что мы идем одной дорогой. Как и они, я еще не сознаю, какой длинной и опасной она ока-

жется, сколько на ней будет рытвин и засад. Не важно: если бы мы и сознавали, все равно пошли бы по ней. Годы спустя я в таких случаях ссылаюсь на «исторический оптимизм».

История обычно действительно движется медленнее, чем хочется ее авангарду. Но иногда она действует гораздо скорее и неожиданнее, чем думают в трудные времена.

Часа через три совещание кончается. Принято решение сделать все, чтобы мобилизовать молодежь на помощь партии. Выходя с короткими перерывами один за другим, товарищи расходятся в разные стороны. Одни спешат в свои районы и на заводы, другие — в редакцию «Юнге гарде», чтобы помочь в выпуске и распространении номера с боевыми призывами.

Я выхожу вслед за ними. По улицам патрулируют «шупо» — полицейские социал-демократического министра внутренних дел Зеверинга. Выходящая в полдень газета «Б. Ц. ам Миттаг» сообщает под крикливыми заголовками о битвах между войсками и отрядами Гельца в районе Мансфельда. Комсомольцы — на передовых позициях.

Но враг пока еще сильнее. Мартовское выступление терпит неудачу. Политического опыта у меня нет, но одно я все-таки уже чувствую. Школа, которую начинают проходить наши немецкие братья, будет намного сложнее и труднее, чем представляют ее себе многие из моих нетерпеливых сверстников в Москве.

3

Несколько слов о том, как в те годы я учился делу публициста.

После опубликования в феврале 1921 года моей первой статьи я почувствовал, что хочется писать еще и еще. Рука сама тянулась к бумаге, темы роились в голове одна за другой, не писать было почти невозможно. Буржуазную Европу трясло, и новое рождалось каждый день.

Хотя я по-прежнему находился на нелегальном положении и несколько раз арестовывался (побывал в тюрьмах Полицейпрезидиум, Моабит, Плетцензее), я все же ухитрился писать — в то время большей частью для центрального органа германской компартии «Роте фане» и ее теоретического органа «Ди интернационале», основанного еще Розой Люксембург и Францем Мерингом. Редактором этого журнала был неизменно веселый товарищ Герхарт, впоследствии глава радиовещания ГДР.

В 1921 году я работал в отделе печати ЦК КПГ, затем в редакции «Роте фане», в следующем году был корреспондентом «Роте фане» в советской России; посетил Москву, Харьков (где встретился с товарищем Мануильским), Баку (встреча с товарищем Орахелашвили), Тбилиси (беседы с товарищем Окуджавой). Из Батуми отправился в Турцию, где присутствовал на подпольном съезде недавно основанной турецкой компартии.

В 1923 году в Берлине были опубликованы две мои небольшие книжки: «Ангора» (так тогда называли на Западе столицу Турции Анкару) и «Почему ведется рурская война — 10 процентов или нация». Вторая книжка вскрывала закулисную сторону вспыхнувшего тогда из-за оккупации Рурской области франко-германского конфликта и сразу же разошлась в трех изданиях. Это уже было нечто вроде марксистской публицистики.

Вслед затем в августе 1923 года, накануне моего очередного ареста, последовала статья в «Ди интернационале» под заголовком «Стратегия в Лозанне» — о происходившей в июле в Лозанне международной конференции по ближневосточному вопросу. Просматривая ее сегодня, я нахожу, что анализ был в основном правильный, хотя чего-то в ней, разумеется, не хватало. С этого времени меня особенно привлекала мировая политика, и с благословения одного из руководящих товарищей в Коминтерне я стал, как это теперь называется, международником.

Вскоре у меня накопился большой архив с данными о монополистах и буржуазных политиках почти всех стран мира — сотни папок, расставленных на стеллажах по всем стенам моей комнаты. Обычно мне было достаточно услышать название монополии или имя политика, чтобы вскоре же разобраться в сути закулисной стороны вопроса. В конце 20-х годов архив этот помог мне, например, написать для «Ди интернационале» две большие статьи о влиянии и политике двух крупнейших центров финансового капитала в Германии — Немецкого банка и Дармштадтского банка (в то время второго по значению банка в рейхе, позднее слившегося с Дрезденским банком и ставшего финансовой твердыней эсэсовского руководства).

Тогда же для издательства Коминтерна я стал писать и к 1933 году почти кончил большую книгу «Динамика нового германского империализма», в которой уже предвосхищались мысли моей позднейшей, вышедшей в начале 1934 года в Лондоне и Нью-Йорке книги «Гитлер над Европой?».

В феврале 1933 года рукопись этой книги, как и весь мой архив, была захвачена на моей берлинской квартире нацистами. Собранный мною после этого новый архив погиб частью в Брюсселе в 1937 году, частью в Париже в 1940 году, частью затерялся в Лондоне. Архив, которым я располагаю теперь, хотя в нем вновь сотни папок, не идет ни в какое сравнение с прежним. Собирая эти архивы, я понял, как важно для публициста-международника не только изучать теорию и следить за событиями дня, но и искать, копать, обнаруживать. К тому же такая работа нередко увлекает, как детективный роман. Правда, для нее необходимо знать несколько языков.

В те же годы я научился у немцев ценить аккуратность и точность в журналистской работе. Наряду с талантливостью и широким международным кругозором я по сей день считаю это особенно важными профессиональными качествами. Расхлябанность и неорганизованность убивают журналиста, даже если у него есть способности.

Менее мне подходила склонность некоторых немецких товарищей — в отличие от более практически мыслящих и говорящих англичан — к излишне абстрактному мышлению, а у некоторых и к догматизму. О том же я позднее с глубоким удовлетворением прочел у Энгельса в его критических статьях, направленных против ортодоксальных немецких социалистов в США в конце прошлого века. Зато как классический пример настоящей немецкой революционной публицистики после Маркса и Энгельса я несколько раз перечитывал знаменитую статью Карла Либкнехта в «Роте фане» «Несмотря ни на что!», написанную после неудачного выступления берлинских рабочих в январе 1919 года и напечатанную в самый день его убийства. Это был мощный боевой журнализм, не имеющий ничего общего с крикливостью и трескотней; журнализм, который подымает дух у людей даже после серьезного поражения.

Позднее я с таким же восхищением прочел письма Розы Люксембург из тюрьмы ее друзьям на волю в годы первой мировой войны. Писать так сильно и в то же время так поэтично умеют немногие.

Помню, как положение в Германии в 1923 году осложнялось буквально из недели в неделю. Это чувствовали все—и друзья и враги. Полученная утром зарплата рабочего «испарялась» к вечеру. Буржуазные политики метались из стороны в сторону, не зная, что делать. В Мюнхене грохотал Гитлер. Решалась судьба страны на несколько десятилетий вперед.

Летом 1923 года я направил в ЦК КПГ, где тогда преобладали правые элементы во главе с Г. Брандлером и А. Тальгеймером, письмо, в котором обосновывал свою уверенность, что в стране возникла острая революционная ситуация и что если партия ее быстро не использует, то для германского капитализма начнется пора стабилизации; он перехватит инициативу у коммунистов. Письмо это попало в руки врагов, было ими опубликовано в печати и, хотя было написано несколько теоретическим языком, послужило поводом для моего очередного ареста.

Разногласия в германском коммунистическом движении были тогда весьма серьезны. Вспоминаю, как на настойчивый вопрос одного из товарищей, какое направление я поддерживаю, я в шутку ответил: «Принадлежу к левому крылу правого центра».

Еще раньше я стал особенно интересоваться зарождавшимся в Германии фашизмом. Чем больше я думал о нем, тем яснее становилась для меня сугубая историческая важность темы. В конце 1922 года я написал статью об угрозе перехода к фашистам немецкой мелкой буржуазии и части рабочих. 15 февраля 1923 года она была опубликована в «Ди интернационале» под заголовком «Средние слои, фашизм, национал-большевизм и партия» и подписана моей партийной кличкой Леонид². Писал я за год до нацистского «пивного путча» в ноябре 1923 года и через год после того, как Гитлер был избран фюрером своей партии.

Недавно в архиве Института марксизма-ленинизма в Москве я разыскал номер «Ди интернационале» с этой статьей. Перечитав ее теперь, пятьдесят пять лет спустя, я вижу,

* Мною в статье написана вся часть, касающаяся фашизма и средних слоев. Абзацы, в которых говорится о вторжении в Германию иностранного капитала и экономическом кризисе, были написаны другим автором, занимавшимся такими вопросами.

что был тогда действительно убежден—дело идет к генеральному наступлению фашизма в Германии. Вот что говорилось в статье:

«...Фашизм в Германии нельзя недооценивать. Не только потому, что в настоящее время он принимает все большие размеры, что фашистские митинги обычно собирают толпы людей, что помимо фашистского ядра, состоящего из прекрасно вооруженных отрядов штурмовиков, есть еще сотни тысяч симпатизирующих фашизму; не только потому, что фашистам помогают круги крупного капитала, как, например, Крупп, Союз баварских промышленников, генеральный директор Феглер и т. д. Если бы фашисты опирались только на крупный капитал, то они не одержали бы победу в Италии. Особенно важно при оценке фашистского движения для нас то, что это движение помимо широкой и важной для соотношения сил массы средних слоев внедряется также в ряды рабочих...

Как с целью отпора фашистской угрозе, так и для наступательного продвижения с целью изменения сил в нашу пользу путем привлечения... средних слоев в наши ряды, мы должны расширить поле нашей партийной деятельности и прежде всего нашей пропаганды и агитации, нацелив их на средние слои... так, чтобы с помощью часто созываемых митингов, литературы и плакатов мы влияли на эти слои прямо...

Такое сближение с немецкими средними слоями может для начала устранить нарастающую сегодня угрозу со стороны фашистско-националистического движения. До сих пор мы еще немногому положительному научились из факта победы фашистов в Италии... Каждый, кто бывает в Средней Германии (я жил тогда вслед за высылкой из Берлина в Дрездене.— Э. Г.), кто наблюдает за настроениями людей на рынках, на улицах, в поездах, знает, что это опасное движение очень сильно и день за днем расширяется, не останавливаясь даже перед рабочим классом... Пришло время, чтобы партия реагировала на него не только путем замечок в печати, запросов в рейхстаге, призывов к борьбе, но и путем позитивных действий. Это ведет к необходимости обновить форму и содержание нашей пропаганды»³.

Это было мое первое высказывание о фашизме. В то время фашизм был еще чем-то новым в Германии. Старшие его не знали. Далеко не все в их рядах сразу поняли потенциальные масштабы коричневой угрозы; это касалось не только немцев. Опасались больше социал-демократов. Было немало таких, кто даже во второй половине 20-х годов рассматривал нацизм как некую кратковременную эпидемию, чумную вспышку, с которой германский рабочий класс завтра же справится. Мысль, что бесноватый мюнхенский черносотенец захватит Германию, а затем и половину Европы, что весь мир уже очень скоро будет ввергнут в небывалую катастрофу, казалась нелепой фантазией. Люди были просто не в состоянии представить себе, что история в просвещенном XX веке может совершить такой дьявольский поворот.

Но история решила по-своему. Штурмовики в коричневых рубашках уже начинали шагать с вызывающим видом по улицам германских городов. Сначала сотни, потом тысячи... И самое страшное было то, что в огромном большинстве это были молодые люди. Их подталкивали, и они шли — с криком и песнями — прямо к пропасти. Этого тоже нельзя забыть.

Оказалось, что в течение нескольких лет — к концу 20-х и началу 30-х годов — вынырнувшему с задворок проходимцу Гитлеру удалось привлечь в лагерь фашизма почти всю мелкобуржуазную молодежь Германии и даже некоторую часть рабочей молодежи — особенно из числа тех, кто был выброшен на улицу страшной безработицей, охватывавшей в 1933 году миллионы человек. Почти внезапно нацистами была сформирована целая армия — банды для расправы с рабочим движением внутри страны и одновременно ядро будущего вермахта для нападения на остальной мир.

Сегодня, десятки лет спустя, оглядываясь назад, нельзя не признать, что правильное понимание угрозы фашизма во всем ее объеме пришло тогда в кругах международного рабочего движения слишком поздно. Антифашизм как мощная, объединенная, бесстрашно действующая сила опоздал на несколько решающих лет; может быть, даже всего на один год. Нет смысла подслащивать горькую правду о прошлом. Первыми жертвами просчета оказались сам германский рабочий класс и молодежь страны. Миллионы молодых заплатили за все своей жизнью.

³ «Ди интернационале», 15 февраля 1923 года, стр. 115—119.

У меня, как, несомненно, и у многих других живых свидетелей тех событий, и сейчас сжимаются кулаки, когда думаю о том, что пришлось тогда увидеть. Произошла настоящая историческая трагедия. Победу фашизма в Германии можно было предотвратить: она не была неизбежной. Требовались своевременно обеспеченное единство действий рабочего движения и смелая, решительная политика с его стороны. До этого в 20-х и 30-х годах дело не дошло. Инициатива в борьбе за души и силы многих миллионов немцев была перехвачена фашистами.

Ошибочно считать, что все дело было в безработице, быстро покончить с которой путем милитаризации страны обещал Гитлер. Очень важную и тогда недооцененную роль сыграла и развернутая гитлеровцами бешеная, неистовая националистическая пропаганда. Ее вели на всех углах и перекрестках, доводя слушателей буквально до буйства. Национализм слепил глаза миллионам обывателей и незрелых молодых, действовал на них как возбуждающий наркотик, а антифашисты того времени не всегда находили нужные доводы и правильный тон в обращении с обманутыми людьми.

Чисто теоретические, абстрактные, пусть и несомненно правильные аргументы до большинства разгоряченной аудитории не доходили. Требовалось не одно лишь научное оружие, а и психологическое умение. Это была не академическая дискуссия, а схватка за сердца людей. Гитлер, Геббельс, Геринг, югендфюрер фон Ширах владели искусством играть на эмоциях толпы. Как подтвердилось впоследствии, политическая и психологическая неподготовленность антифашистов стоила им очень дорого. Борьба с фашистами оказалась несравненно труднее и сложнее, чем с прежними буржуазными противниками или с правыми социал-демократами.

Но главным был все-таки просчет во времени, запоздание с усилиями по организации объединенного антифашистского контрнаступления. Руководимые своими правыми лидерами социал-демократы категорически отказывались идти навстречу коммунистам. В июле 1939 года, за полгода до прихода Гитлера к власти, они не пошевельнули и пальцем, когда готовившийся кговору с нацистами канцлер фон Папен простым распоряжением сместил социал-демократическое правительство в Пруссии, располагавшее крупными полицейскими силами.

Мешала и порочная теория «социал-фашизма», впоследствии отвергнутая Коминтерном. Мне несколько раз доводилось наблюдать ссоры между социал-демократами и коммунистами в пивных или вблизи заводов. Помню, как тяжело это воспринималось. Гитлер стоял у ворот.

Было и другое. Некоторые очень хорошие, верные делу люди прямо начинали с самоуверенной недооценки сил и возможностей фашизма. Тем, кто им возражал, говорили: «У страха глаза велики». Еще в 1933 году многими считалось, что Гитлер продержится около года.

Через одиннадцать лет после статьи в «Ди интернационале», в самом начале 1934 года, я, находясь уже в Лондоне⁴, опубликовал книгу «Гитлер над Европой?», изданную в разных странах. Два года спустя последовала книга «Гитлер над Россией?» (изданная в СССР в 1936 году под заголовком «Гитлер против СССР»), в которой на основе политического и военно-стратегического анализа доказывалась неизбежность поражения Гитлера в предстоящей войне с Советским Союзом. После выхода в СССР в 1935 году первой из этих книг она вызвала следующее замечание редакции, напечатанное в предисловии:

«Верить в дьявольскую реальность фашистской фантастики, как это делает Генри, значит из-за деревьев не видеть леса, значит потерять перспективу всего развития и тем самым не замечать борющихся с фашизмом мощных революционных сил германского и международного пролетариата».

Это писалось за четыре года перед началом второй мировой войны, за шесть лет перед нападением Гитлера на Советский Союз.

В следующем году положительная рецензия на мою новую книгу «Гитлер против СССР» в журнале «Книга и пролетарская революция» заканчивалась такими словами по поводу моих утверждений, что предстоит вторжение вермахта в СССР: «Он (автор. — Э. Г.) ошибается в этом допущении. Красная Армия, весь советский народ не пустят врага в пределы своей родины, а будут его бить на той территории, откуда он пришел».

Я вспоминаю обо всем этом не для того, чтобы возобновлять старые, давно решенные

⁴ В книге правого западногерманского историка Д. Айгнера «Борьба за Англию» (Мюнхен, 1969) указывается, что я в то время был корреспондентом ТАСС. Это неверно.

споры, а чтобы отметить, как иногда некоторые отнюдь не глупые люди, мышление которых целиком устремлено к конкретным вопросам сегодняшнего дня, упускают из виду большую историческую перспективу. В антифашистском движении перед войной бывали такие случаи.

Современная молодежь не должна пренебрегать опытом прошлого, думать, что то, что было и прошло, ее уже мало касается. Входить в будущее, не зная о прошлом, нельзя: можно остаться в прихожей. Это было доказано бесчисленное количество раз.

Нельзя забывать о старом фашизме. Нельзя забывать о гестапо и лагерях смерти. Нельзя забывать о второй мировой войне и о том, чем, по плану фашистов, она должна была кончиться. Мир, отброшенный на столетия назад. Поголовное физическое истребление целых народов. Превращение независимых стран в колонии рабов и полурабов. Удушение духовной культуры, всемирное царство страха. Это не была «фантазия» сумасшедших, а конкретный, детально разработанный, готовый к выполнению план.

Нынешняя молодежь знает об этом плане только по книгам, школьным урокам, отдельным рассказам старших. Некоторым из ее числа все это, возможно, кажется чем-то нереальным и малопонятным. Лекции, которые они слушают на такие темы, нередко звучат для них сухо и схематично, слишком далеко от их собственной действительности. И все-таки надо, чтобы они знали и помнили. Незадолго перед тем, как они начали жить, земной шар действительно был на краю бездны, и только армия советского народа спасла мир в решающие дни...

Но когда я писал те первые антифашистские книги, горизонт будущего был еще закрыт густыми облаками. Писать их было не очень просто не только по политическим причинам. Меня в те годы выслали то из Англии, то из Бельгии, то из Франции; товарищи предупреждали, что за мной, как и за другими антифашистами, вероятно, охотится гестапо (впоследствии оказалось, что я был в числе занесенных в так называемый черный список гестапо для Англии — список лиц, подлежащих немедленному аресту после вторжения вермахта на британский остров). Жить опять приходилось на меняющихся все время квартирах. Но все это относится уже к другому периоду моей жизни.

Так я стал публицистом-международником. Оглядываясь назад, я вижу: чтобы им стать, требовалось немало — и комсомольский дух 20-х годов, и жизнь в разных странах, и тюрьмы, и споры, и — самое главное — пламенная динамика нашей эпохи.

Исключать из этого списка нельзя ничего. Добавить к нему можно было бы еще очень много.

Цена 70 коп.

70636